

сти. В стране стала формироваться национальная белорусская политическая система власти, ориентированная на собственный промышленно-интеллектуальный потенциал, технологии и оборудование, на постоянную пропаганду национальных ценностей и традиций. Как результат, в 1994 г. рейтинг основных властных структур страны имел следующий вид:

- Президент страны А. Лукашенко — 33,3%
- Администрация Президента Республики Беларусь — 9,3%
- Кабинет министров — 2,1%
- Верховный Совет — 1,7% [2, с. 161].

Однако в 1996 г. некоторые политические силы обвинили Президента страны в нарушении Конституции Республики Беларусь, превышении им своих полномочий. В стране разразился серьезный политический кризис «верхов», который мог закончиться глубочайшей дестабилизацией социально-политической ситуации, актами гражданского неповиновения, а может быть, даже гражданской войной. Нужно было принимать срочные политические меры.

Для решения противоречий между исполнительной и законодательной властями, Президентом страны и оппозицией глава государства предложил внести в Конституцию страны изменения, которые существенно меняли политическую систему белорусского общества. Руководство исполнительной власти предлагалось передать правительству, которое превращалось в сильный институт государственной власти. Президент страны получал полномочия главы государства. В результате всебелорусского референдума, проведенного 24 ноября 1996 г., 70,4% принявших в нем участие высказались за президентский вариант изменений Конституции Республики Беларусь.

После референдума начался **четвертый этап** функционирования белорусской политической системы. В стране создана политическая система, представляющая собой оригинальную модель решения политических противоречий на путях построения правового государства и гражданского общества, в центре которой находится Президент как важнейший субъект политической системы. По мере формирования новой политической системы, усиления властной вертикали постоянно рос авторитет политической власти и независимой Республики Беларусь.

Список цитированных источников

1. Гребень, В.А. Политология. Структурно-логическая модель / В.А. Гребень, И.В. Котляров // Минск: изд-во МИУ — 2007. — 462 с.
2. Котляров, И.В. Государственное управление и политическое лидерство. Социально-политический анализ / И.В. Котляров, А.И. Веруш — Минск: Беларуская думка, 2010. — 270 с.
3. Котляров, И.В. Политическая социология: теория, история, методология, методика / И.В. Котляров // Мн. — МИУ. — 2004. — Т.1 — С. 286. Т.2 — С. 284.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕОЛОГИИ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Медиченко Л.Е.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Французская поговорка: «Хорошие привычки — лучше хороших принципов» вполне подходит в качестве эпиграфа к заявленной теме о трансформации идеологии политкорректности. Ведь образ жизни, вошедший в плоть и кровь, формирует человека прочнее самых замечательных убеждений. Принято считать, что идеология политкорректности формируется в 1990-е годы, преимущественно в университетской среде США, уходя своими корнями в либеральную идеологию [1]. Сам термин постепенно приобретает современное значение того, что по-английски выражается понятиями «neutral language» (нейтральные формулировки) — концепции, базирующейся на гипотезе лин-

гивистической (языковой) относительности. Сепира-Уорфа [6; с.193; 231]. Основная идея – язык не просто инструмент для воспроизведения мыслей, он сам формирует наши мысли, конструирует вторую реальность: становится программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума. Человек видит мир так, как он говорит.

Приверженцы идеологии политкорректности надеялись, что вслед за речевыми нормами политкорректности возникнет и соответствующая ей, более справедливая и вежливо-тактичная реальность. Возможно, их подвела вера во власть языка – реальность стала складываться по другим параметрам, а в новых речевых нормах все более ощущалось некая игра слов, новый злопов язык [7], неискренность и запах фарисейства. Прошло более двадцати лет, а споры по поводу политкорректности не утихают. Отзывы, в основном, негативные: политкорректность – это один из методов манипуляции общественным мнением и рычаг власти [9]; это вид цензуры; добровольное лицемерие, придуманное, чтобы не дразнить гусей [1]; демонстрация равенства в правах [4]; специфический жаргонный язык (новояз); форма вырождения демократии [8]; новая форма диктатуры варварства и мракобесия [7] и др.

Политкорректность затронула различные аспекты и темы, такие как половая принадлежность, религия и общество, гендерная идентичность, гендерное неравенство, национальные отношения и др. Сложны и неоднозначны отношения политкорректности и научной корректности: аморальной считается евгеника (исследования, проводившиеся в первой половине XX века с целью выявить лучшую «породу», гены, среди разных групп общества), критике подвергались исследования психолога Айзенка и биолога Уотсона [5].

Негативную оценку влияния политкорректности на гуманитарные науки дает польская исследовательница Агнешка Колаковская. Она считает, что политкорректность «...преобразившись во всеобъемлющую идеологию, вместо того, чтобы открывать – она все больше закрывает, ... вместо того, чтобы позволять – запрещает и исключает; и, замкнувшись в своем догматизме и крайности – во имя открытости, плюрализма и разнородности, – раскалывает образование и гуманитарные науки таким же образом, как расколола общество... В результате от гуманитарных наук остаются только отдельные групповые интересы – феминистские, гомосексуальные, этнические, – где каждый догматически защищает свою территорию, свой отвоєванный участок. Немалую роль играет здесь корысть: речь идет о сохранении и расширении своих позиций» [2]. Польская исследовательница утверждает, что идеология политкорректности поддерживает также постмодернизм, делающий акцент, в частности, как раз на интерпретациях, связанных с групповой принадлежностью. Поэтому можно сказать, что «...постмодернизм стал частью политкорректной идеологии в академической жизни» [2].

На господство постмодернизма в современной науке и её связь с идеологией политкорректности указывают и другие авторы [4; 8]. Они указывают: сегодня ученых упрекают в том, что они внедряют в сознание общества и в общественную жизнь принцип, согласно которому живет серьезная современная наука: нет правды (истины); нет правильных ответов на вопросы, есть просто разные. Это значит, что человек не имеет права судить кого бы то ни было, резко высказываться и отстаивать свою точку зрения – в общем-то, как раз то, чего добиваются активисты политкорректности.

Подобные тенденции в сфере гуманитарного знания и в духовной культуре в целом приводят к парадоксальным результатам. В наши дни половину пьес В.Шекспира ("DWEM – dead white European male" – мертвый белый европейский мужчина) уже и не ставят: «Венецианский купец» – антисемитизм; «Отелло» – расизм; «Укрощение строптивой» – сексизм...

Однако политкорректность необходима – это приспособление к реальному усилению демократии, эгалитаризма, правовой системы, гласности и др. Это стремление к

более точным правовым формулировкам, учитывающим возможные коллизии. Позитивная роль политкорректности прежде всего в том, что она выступает как система амортизаторов [8].

Рассматривая политкорректность как милый лингвистический фокус, необходимо пользоваться более обтекаемыми и, следовательно, более щадящими конструкциями для того, чтобы никого не обидеть и нивелировать слишком уж выпирающие индивидуальные и культурные особенности, необходимо подчеркнуть, что и время его возникновения значительно раньше, чем 90-е годы XX в. Возможно, более раннее проявление политкорректности в сфере гуманитарного знания и духовной культуры в целом, можно отнести к периоду бурных споров об авангарде в искусстве в начале XX в.

Авангардисты создавали разнообразные тексты, позволяли себе делать парадоксальные жесты, несущие закодированную информацию. Такая информация интриговала, заставляла задавать бесконечные вопросы, провоцировала воображение, будила инстинкты и воспоминания. Появление на выставках странных произведений искусства явилось неожиданностью для зрителей и вызвало в среде любителей искусства острую реакцию, возмущение. Авангард подавался как плод исканий непримиримой интеллигенции, мечтающей о свободе. Молодые художники направили свои бунтарские устремления против традиций и норм искусства, его закономерностей, его идейной насыщенности. Бунт в области форм безапелляционно подавался как подрыв устоев буржуазной культуры и действительности.

Авангардисты считали себя первооткрывателями и создателями новых ценностей. С отречением от прежних эстетических идеалов изменился и творческий метод художников: демонстративный отказ от реалистичного метода отражения действительности, разработка своих формалистических приемов. Но разрушая одни условности, авангардисты создавали другие, и среди них, может быть, самую важную – необходимость договориться о том, что, собственно, является произведением авангардистского искусства. Сам авангардизм принципиально отвергает постановку проблемы качества применительно к произведению. Как отличить хорошее произведение от плохого? Где та грань, за которой проявляется собственно произведение? Ведь ясно, что разбрызгать краску под звуки музыки или «художественно» почистить овощи сможет любой. Возглас "И я так могу" – звучал одно время чуть ли не как упрек творцам авангарда. В философии, эстетике и искусствознании вынужденно развернулась дискуссия о переосмыслении проблемы качества произведений искусства. Сам авангардизм снял проблему качества, сделал свою деятельность открытой для всех. Но если нет проблемы качества как оценки художественного, то невольно встает вопрос: как можно воспринимать авангардизм в целом? Спорящие стороны пришли к тому, что в оценке произведений авангардизма возможны лишь два критерия: а) оценка качества идей, предлагаемых для реализации (если идея перспективна для собственного развития авангардизма, она и качественна, и эксплуатируется достаточно долго); б) возможность определить масштаб деятельности определенного мастера по степени его универсальности, в зависимости от того, в каких областях творческой деятельности выразил себя художник.

Еще дальше пошли художники в русле постмодернистского мировидения. Если начало XX в. обозначило важный водораздел в развитии художественного сознания человечества, то к началу XXI в. мы фиксируем не просто границу, а некий глобальный разрыв с предшествующими тенденциями искусства. Сегодня основной вопрос, лежащий в основе философии искусства, – что такое искусство в целом, где грань в современной культуре между искусством и не искусством. Эти вопросы все чаще возникают у людей, посещающих художественные галереи, читающих романы и поэмы, слушающих музыку и смотрящих театральные постановки и кинофильмы. Задумы-

ваться над тем, что есть искусство, нас заставляют не только факты возникновения новых форм искусства, но также те факты, когда в галереях современного искусства могут быть выставлены такие вещи, как груда кирпича или куча картонных коробок, призванные аффектировать нас.

Вполне в духе политкорректности представляет постмодернистское объяснение разницы между искусством и неискусством – институциональная теория. Это современный взгляд многих писателей, художников, который выразил модернистский философ Георг Дики [10]. Он размышляет о том, что сегодня такие различные вещи, как пьеса “Макбет” Шекспира, 5-я симфония Бетховена, груда камней, “Путешествие Гулливера” Дж. Свифта и гиперреалистические фотографии Вильяма Клейна – все могут быть названы художественными произведениями, так как, во-первых, все они являются артефактами, то есть имеют рукотворное происхождение. При этом “артефакт” трактуется очень свободно: любой предмет, собранный на морском побережье, будет обоснован как артефакт, если будет выставлен в художественной галерее. Во-вторых, если данным артефактам представителем или представителями мирового искусства (публицистами, продюсерами, дирижерами, артистами или владельцами галерей) присвоены статусы произведений искусства (т.е. в каждом конкретном случае соответствующим авторитетом в данной области искусства), этот артефакт нарекается произведением искусства (даже и в рекламных целях).

Институциональная теория утверждает, что в нашем обществе некоторые индивиды и группы имеют возможность превращать отдельные артефакты в произведения искусства различными церемониями “крещения”, которые могут иметь формы деятельности, близкие к искусству, но чаще они эквивалентны публикации, изданию, выставлению в галерее или исполнению на публике. Фактически это недалеко от истины. Обычно представители мирового искусства нуждаются в прохождении через определенные церемонии именования художественных работ, хотя по большому счету в этом нет нужды, так как подобные работы и так трактуются как искусство.

Такая позиция сегодня достаточно политкорректна. Наречение объекта произведением искусства вовсе не обозначает его качества и не дает его оценку: хорошее или плохое. Зачастую отсутствие критериев оценки является оправданием в высшей степени претенциозных и поверхностных работ, рассматриваемых в качестве произведений искусства. Институциональная теория также допускает существование особой привилегированной группы избранных людей, имеющих право провозглашать «нечто» произведениями искусства. Это создает впечатление игры в слова и может иметь политические последствия, когда особо заинтересованные люди уподобятся царю Мидасу – все, к чему они станут прикасаться и нарекать произведениями искусства, будет превращаться в золото.

Наше время знаменует собой существенный перелом в истории человека и формах его культурной деятельности. Выстраивать ландшафт художественного творчества нынешнего столетия чрезвычайно трудно: еще нет временной дистанции, позволяющей отделить случайное от необходимого, выявить устойчивые и перспективные образования. А институциональный подход к пониманию произведений искусства нередко делает весьма проблематичным сам процесс художественного контакта. Это нашло отражение в специальном определении, выдвинутом на XIII Международном эстетическом конгрессе: «Тот или иной предмет является произведением искусства, если в качестве такового его, кроме автора, оценивает хотя бы один человек» (вершина политкорректности!).

Дискуссия относительно роли и места политкорректности в современной практике остается открытой. Однако сегодня никто не отрицает, что идеология политкорректности является мощным рычагом воздействия на общественное сознание. Мифы, соз-

даваемые на почве данной идеологии, спекулируют общественными ценностями и подменяют понятия. За желанием соблюдать нормы приличия могут скрываться интересы узкого круга элиты, но через определенные положения идеологии политкорректности просматриваются перспективы гуманизации общества.

Список цитированных источников

1. Галецкий, В.Ф. 2006: Скромное обаяние политкорректности // [электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2006/9/ga11.html>
2. Колаковская, А. *Imagine...* Интеллектуальные истоки политкорректности. // Новая Польша. Варшава, 2004, № 3 (51), март // [электронный ресурс] URL: <http://www.nowpol.ru>
3. Лассан, Э.Р. *О политкорректности как попытке обуздания инстинкта агрессии* // [электронный ресурс] URL: <http://www.vu.lt>
4. Назаретян, К.А. 2003: *Что такое политкорректность?* // [электронный ресурс] URL: <http://www/proza.ru/>
5. Радченко, И. 2008: *Политкорректность: корректный язык* // [электронный ресурс] URL: <http://www.study.ru/support/lib/note96.html>
6. Сепир, Э. 1993: *Избранные труды по языкознанию и культурологии* (пер. с англ. Перцова Е.Н.; общ. Ред. Е.А.Кибрик). – Москва: Прогресс. – С.193, 231.
7. Слуцкий, Л.И. Политкорректность – тяжелое заболевание Запада // [электронный ресурс] URL: http://world.lib.ru/sluckij_L_I/
8. Убираева, Я.Г. *Политкорректность как политический миф* / Я.Г. Убираева // Без темы. – 2009. – № 1(11). – С. 104-110 // [электронный ресурс] URL: <http://beztemy.usu.ru/>
9. Шульгин, Н.Н. *За горизонтами политкорректности* // Вопросы философии. 2003. – № 6.
10. Dickie, Georg. 1974: *Art and Aesthetic. An Institutional Analysis*. Cornell University Press.

БЕЛОРУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ И СОЦИАЛЬНОЙ УТОПИИ

Мисиюк В.С.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Данная статья посвящена анализу польско-белорусских отношений в период становления белорусской национальной культуры в Западной Белоруссии. (1921-39 гг.): Трансформация белорусской культуры в начале XX в. сопровождалась ростом напряжения в отношениях между польской администрацией и представителями крупнейших белорусских организаций. В статье будет предпринята попытка объяснить, чем были обоснованы обвинения в адрес белорусских деятелей в социальном радикализме, нарушении общественного порядка, антигосударственной деятельности, а также насколько они соответствовали целям белорусского движения.

Польская администрация справедливо рассматривала Западную Белоруссию как постколониальную территорию, культура которой несла на себе отпечаток более чем векового владычества Российской империи. «Если рассмотреть обычаи, одежду, строительство, и даже танцы, то сколько в них найдем заимствований с востока» [12, 74об]. Этому факту придавали цивилизационное значение: российская общественно-политическая модель была основана на принципе коллективизма, отсутствии имущественных и политических гарантий, кровавых протестных движениях «русском бунте», пренебрежении правом. Интеграция Западной Белоруссии в польском государстве зависела от того, удастся ли преодолеть этот цивилизационный барьер. Эта установка легла в основу политики полонизации белорусской культуры. «Объединение деревни с городом, с элементом польским, его организациями будет одним из первых этапов полонизации белорусской деревни и преодолением той пропасти, которую после разделов создали москали, а в данный момент стараются углублять коммунисты» [12; 47].